

Э

EESTI KULTUURIKESKUS
VENE ENTSÜKLOPEEDIA

TALLINN
2009

Серия "Мир перевода - мир диалога"

**Ян Кросс
Мартов хлеб
Повесть-сказка**

Перевод с эстонского
Ольга Самма

Литературный редактор
Людмила Глушковская

Художник
Вера Станишевская

Технический редактор
Олег Костанди

Корректор
Алла МалOVERьян

**Благодарим
за финансовую поддержку
фонд Kultuurkapital**

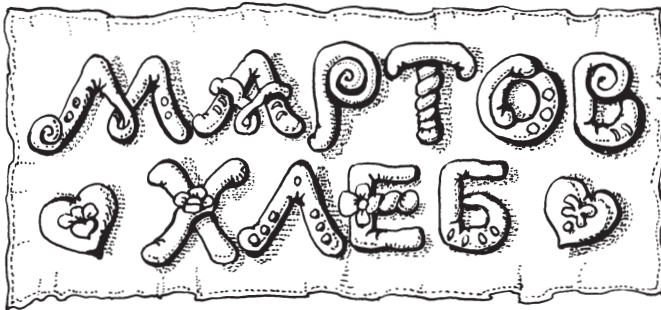

ISBN 978-9985-9790-5-1

- © Eesti kultuurikeskus Vene Entsüklopeedia
Эстонский культурный центр "Русская энциклопедия"
- © Ян Кросс (наследники)

ЯАН КРОСС

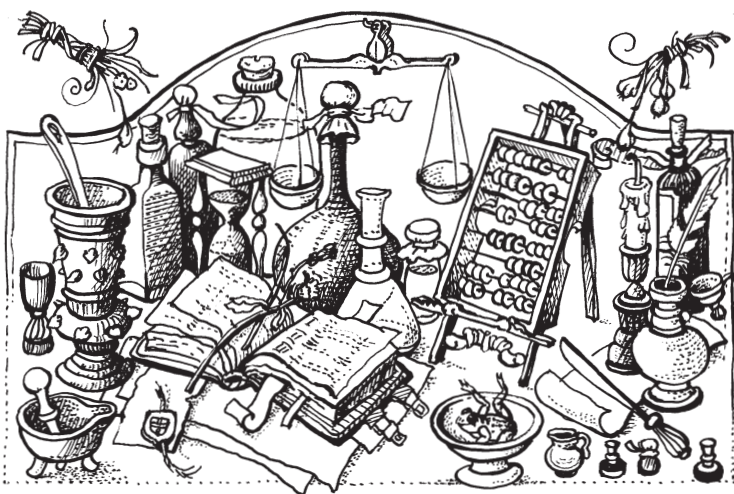

**TALLINN
2009**

Яан Кросс (1920-2007) - всемирно известный эстонский классик. Несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию. Поэт и прозаик. Многие произведения писателя переводились на русский язык и печатались в СССР огромными тиражами, как один из исторических романов "Императорский безумец" (1978, русский текст - 1985).

Детская повесть-сказка "Мартов хлеб" (1973, впервые по-русски - 1974) переносит вас в Средневековье. Прямо с Ратушной площади Старого города, где вы можете и сегодня подойти к той самой старой Аптеке... И спросить лекарство от человеческой недоброты и глупости...

У тебя есть собака? Если есть, тогда всё очень просто. Потому что ты, конечно же, гуляешь с ней по утрам. В Оленьем парке, или Кадриорге, или у пруда Шнелли, или еще где-нибудь, в зависимости от того, где ты живешь.*

А когда наступит следующее доброе воскресное утро и небо будет совсем безоблачным, возьми своего любимого пса и раненько сведи его погулять на таллиннскую Ратушную площадь. И пока он будет обнюхивать углы и делать свои собачьи дела, ты погляди наверх, повыше домов. И на небесный свод над домами.

Над темно-красными черепичными крышами глубокое синее осеннее небо. Любо-дорого глядеть на шероховатые стены из старого камня. Когда восходит солнышко, они такие приятно-шершавые и весело-корявые. Камнями вымощенная площадь с ночи еще влажная и чистая. И ни одной группы туристов, которые, задрав головы, любуются жеманни-

цей-башней и драконами-водостоками на Ратуше.* Разве только редкий человек пройдет. А со стороны Нигулисте* синий ветер несет с собой пригоршню желтых липовых и красных кленовых листьев.

Чудесное раннее утро. Ты стоишь на Ратушной площади и сквозь подошву отчетливо ощущаешь приятные, плоские и твердые спины камней на мостовой. И если ты крепко зажмуришься, а потом (конечно, если ты стоишь на п р а в и л ь н ы х камнях, и притом правая нога у тебя чуть впереди - на одном, а левая чуть позади - на другом), когда ты снова откроешь глаза, то увидишь Ратушную площадь совсем не такой, какой ты ее только что видел. Потому что если тебе в самом деле посчастливится стать на п р а в и л ь н ы е камни и ты зажмуришь глаза, а потом снова их откроешь, ты увидишь всё уже не таким, какое оно сейчас, а в точности таким, каким всё было ровно пятьсот тридцать три года тому назад.

Впрочем, разница не так уж велика. В первый момент ты, может быть, даже и не заметишь ее. Ну разве что в домах на площади почему-то редко где в окнах сверкают на утреннем солнышке стекла. Потому что в оконных рамах большей частью мерцают свиные пузыри. Посреди площади стоит высокий каменный позорный столб. И рядом с ним в тяжелой шапке из красной черепицы, надвинутой на самые глаза, дремлет белый домик важни.* А вокруг площади, перед домами, - ряды торговых лавок, у всех у них на дверях еще висят утренние замки. И у ратушной аптеки в шероховатой стене не только дверь, но рядом с дверью, на нужной высоте, еще и четырехугольное оконце для покупателей, обрамленное тесаным камнем. На нем деревянные ставни, выкрашенные в желтый цвет.

И вот деревянные желтые ставни растворяются.

Какой-то парень сует голову в оконце и щурится на солнце. Сразу видно, что парень с удовольствием совсем бы высунул голову наружу, да только толщенная стена не дает. Парень такого возраста, когда дяденьки говорят "юнец", а мальчишки, когда играют в лунки и у них нет времени разглядывать, того и гляди скажут "дяденька". И так, парень просовывает радостную кошачью рожицу в окно и щурится на солнышке. У парня ярко-рыжие, под горшок остриженные волосы и курносый, веснушчатый нос со смешным, острым кончиком. И когда он убирает из окошка голову и открывает глаза, то очень ясно видно, какие они у него зеленые и шельмовские.

Но парень тут же исчезает, и в замочной скважине аптечной двери скрежещет ключ, дверь широко распахивается, и парень выбегает на площадь. Со всех трех окон аптеки он снимает тяжелые железные перекладки и отворяет ставни. Потом бежит обратно в аптеку, утро нового рабочего дня здесь наступило.

Свет в аптеку проникает сквозь крохотные оконные стекла в свинцовых рамах; как горсть сверкающей рыбьей чешуи он падает на плитняковый пол, до блеска истертый ногами, на прилавки и настенные панели темного дуба. Большие утренние солнечные зайчики прыгают по светлым сводам потолка, на которых мерцают удивительные картины, изображающие мужчин и женщин в старинных драпированных одеждах, и совсем обычные дома с островерхими крышами, и гирлянды - да-да: на треугольных сводах нарисованы в виде арок смешные рамки, как будто сделанные из сплюснутых цветов, засушенных в пергаментных книгах. А теперь вот под разрисованными сводами, из полумрака, у стен возникли полки, как будто перед ними раздвинулись

серые занавески, и солнышко опять отыскало на этих полках свои вчерашние игрушки и как только может ими забавляется. Ох, такого несметного количества игрушек, как здесь, ему в самом деле нигде больше не найти, ни в целом городе, ни даже в дру-гих заморских странах. Здесь на полках десятками, нет, сотнями стоят в ряд бутылёчки и флаконы, банки и склянки, миски и плошки, горшочки и кадоч-ки. И притом какие! Одни из тяжелого зеленого, а другие из легкого желтого стекла. Третьи, четвертые и пятые - из обожженной глины с беловойтой или сли-вово-коричневой, или ярко-синей глазурью. А в них, разумеется, пятнадцать сортов жидкостей и трид-цать разных отваров, и семьдесят мазей, и тому подобное. А в ящиках прилавка (это уже по запаху издалека чувствуешь) чудесный порошок индийских чайных листьев, и редчайший из редких аравийский кофе, и перец, и лавровый лист, и корица, и суше-ные лягушачьи лапки, и рубины, и мелко истолчен-ные тараканы.

Но, как уже сказано, наступило утро рабочего дня. И аптекарский ученик Март, тот самый парень, который открыл в аптеке окна, уже занят всюю: он нанизывает на веревку сушеные лягушачьи лапки, чтобы отнести их на чердак как следует проветрить. Он только и делает, что лапку с большого каменно-го блюда - хватать! И тонкую веревку между сухожи-лиями - фьють! А тут как раз по скрипучей лестнице из своей квартиры спускается в аптеку мастер Иохан. Острые носы его башмаков такие длинные, что на лестнице пыль стоит столбом, и половина ее садится на его короткую черную пелерину.

Мастер громко чихает - апчхи! Апчхи, апчхи! И ученик Март поспешно говорит ему:

- Доброе утро, мастер!

Мастер сопит, он видит, что парень уже тут как тут, за работой, и сушеные лягушачьи лапки в его проворных руках одна за другой оказываются на веревке и всё умножаются. А ведь сушеные лягушачьи лапки - надежное лекарство против двадцати семи совсем различных болезней, поэтому дорогой и весьма доходный медикамент.

Мастер Иохан надевает на свой большой синий с красными прожилками нос колеса окуляров в черной раме толщиной с гусеницу и раскрывает аптекарский мемориал* в тяжелом кожаном переплете.

- Ммм... Март, сегодня нам нужно смешать три порции шалфейной мази. Чтобы к наступлению осенних дождей у нас в банках был запас снадобья от ревматизма. Кроме того, нам нужно сварить шестьдесят кварт* кларета*. Для питейного дома господ членов гильдии* на день поминовения усопших. А кларету ведь и постоять немного требуется. И еще нам нужно - а-а-а-пчхи! - нужно в ступке растолочь в порошок двенадцать унций* рубинов. Для эликсира от малокровия. Тебе ведь известно, что это - особо ответственная работа.

Разумеется, Марту известно, насколько ответственна эта работа. И кроме того, ему известно, что когда мастер говорит: "Нам нужно сделать то-то и то-то", это значит, что делать, само собой понятно, должен Март. Причем мастер либо стоит рядом, смотрит и учит, причитает и сопит. Либо совсем уходит прочь - в гавань, поглядеть чужеземные корабли, какие травы и пряности, какие сверхудивительные вещи они, может случиться, привезли. Либо - к больным. К таким, которые слишком важные, чтобы их собственным домочадцам приходиться за приготовленным лекарством, но все же недостаточно важные для того, чтобы, идя к ним, брать с собой Марта, помощника, и

подручного, и на побегушках мальчика, словом, *famulus'a*, как это зовется по-латыни, и которого мастеру непременно нужно брать с собой, когда он хочет произвести сильное впечатление и своей личностью, и своим искусством врачевания. В таких домах Март нужен мастеру главным образом для того, чтобы у постели больного говорить с ним по-латыни. Всё ради того же самого сильного впечатления.

- *Martine, da mihi arcam meam!* или *Martine, infunde urinam consulis in ampullam congiariam!* - весьма многозначительные фразы, за таинственность которых больные готовы платить куда больше славных серебряных шиллингов, нежели они платили бы, скажи мастер просто: "Март, подай мне мою шкатулку!" или "Март, перелей то, что написал бургомистр, в трехштофную* колбу!"

Что же касается размельчения рубинов, то особая важность этой работы Марту известна уже давно.

Да это и неудивительно. Если даже один-единственный лот* этих чудесных кроваво-красных и кроветворящих драгоценных камней самого мелкого и дешевого сорта стоит целых двадцать рижских марок серебром, или иначе - столько же, сколько четыре быка самого могучего веса!

- Смешаем и эту шалфейную мазь, - говорит Март, - и сварим этот кларет. И растолчем эти рубины. Пусть только мастер позволит мне прежде в один миг нанизать на веревку еще триста лягушачьих лапок. Чтобы с одним делом покончить.

- Мньмньмньм, - говорит мастер Иохан, - а сколько у тебя сегодня уже нанизано?

- Триста уже на веревке.

- Мньмньм. Только побыстрее.

И Март нанизывает лягушачьи лапки - туда-сюда, туда-сюда! И мастер записывает в аптекарский

мемориал невероятно скрипучим гусиным пером: "*Anno Domini MCDXLI. Sept. XXI DC pediculi ranularum*", что значит: "Год Господний 1441, 21 сентября, шестьсот лягушачьих лапок".

Беспокойная сентябрьская пчела, которую привлекли в аптеку всевозможные удивительные запахи, уже облетела все нарисованные в гирлянде на потолке цветы и, разочарованная, жужжа летает по полкам с горшками, в которых хранится и анис, и корица, и цукаты, и имбирь; теперь она начинает разглядывать плотно закрытые крышки.

В это самое мгновение на площади перед аптекой послышались быстрые и в то же время шаркающие шаги. Как будто у идущего не было времени как следует надеть на ноги башмаки. Вот шаги уже на лестнице, и дверной колокольчик говорит своим звонким голосом:

- Теретиритрилль!*

Запыхавшийся клиент входит в аптеку.

Мастер Иохан мгновенно узнает вошедшего, так же как и Март. Потому что даже в таком невероятно большом городе, как Таллинн, в котором почти семь тысяч жителей, домашних слуг ратманов* знают в лицо в каждом деловом месте, не говоря уже про аптеку, которая выполняет обязанности почти что докторского дома. Потому что настоящий доктор в этом огромном городе в году Господнем 1441 как раз и не живет. Итак, мастер Иохан спрашивает:

- Ну-ну-ну? Чего это Юрген так торопится, что даже дух перевести не может? Уж не случилось ли чего с ратманом Кáлле?

- Истинная правда - да, именно с ним самим, - задыхается Юрген, похожий на испуганного тюленя, - еще вчера вечером. У ратмана болит живот. У ратмана крестец дергает. Всё тело ратмана изнывает. И

что всего хуже: желчь ударила ратману в голову! Не иначе. Так что он только и делает, что ворчит да брюзжит, и, лежа в кровати, по своему обыкновению, швыряет всё, что под руку попадет, - суповые миски, и пивные кружки, и бревиары, * и подсвечники - домочадцам в голову. Значит, конечно же, не госпоже и не барышне, а само собой, мне, и служанкам, и дворнику...

- А нам-то что до всего этого? - спрашивает мастер Иохан, будто не понимая, в чем дело. Марту, во всяком случае, давно уже всё ясно. Да наверно, и мастеру тоже, но почему-то мастер иной раз словно намеренно делает вид, что не понимает.

- Вам?! - восклицает Юрген, и даже рот остается разинутым. - А кому же еще до этого есть дело, Господи помилуй?! Если господин Калле за вами меня послал! Чтобы вы тут же пришли и выяснили, что с ним. И какое лекарство ему требуется. И потом бы это лекарство и составили.

- Ах, вот оно что, - говорит мастер Иохан, будто даже сокрушаясь, что помешали какому-то очень важному его занятию. - Мньмньмньм. Видно уж придется из христианской любви к ближнему свою работу оставить недоделанной. Хотя это может принести нам большой убыток. Ох, какой большой убыток! Пусть только Юрген в толк возьмет: ведь нам приходится в нашей рабочей комнате, или *лаборатории*, на половине приостановить толчение рубинов! И хоть Юрген нас очень торопит к ратману, а все же следовало бы тончайшим пуховым перышком собрать рубиновую муку, только на это ушло бы ужасно много времени. Так что приходится оставить порошок в ступке, несмотря на то, что он такой дорогой.

А если за это время в комнате сквозить начнет и драгоценная пыль улетит в трубу - что тогда?! Тогда

придется нам за счет этой самой трубы записать такую огромную сумму, что Боже упаси!

А с кого же нам в этом случает требовать возмещения убытка? А?

Ну да ладно. Во имя христианской любви к ближнему. Будем уповать на Господа Бога, что на это время он попридержит ветер. А теперь Юрген, наверно, не откажется прополоснуть испуг и спешку глотком кларета. Не так ли?

И вот мастер Иохан уже наливает Юргену из зеленого графина - буль-буль-буль - полный свинцовый бокальчик, а Юрген уже раздувает ноздри от пахнущего гвоздикой и мускатом знаменитого напитка ратушной аптеки, - пьет бокальчик до дна и, причмокивая, говорит:

- Вот это по мне, ей-богу, как глоток свежей воды загнанному в мыло псу. И с вашим кларетом, мастер Иохан, даже нельзя сравнивать все эти трактирные пойла... Вашей марки вино с ними рядом, как вино Спасителя - с бражками язычников.

Но мастер говорит:

- Мартинус, возьми наши инструменты и поспешим!

И вот они идут. Мастер Иохан самый первый - на носу с сине-красными прожилками колеса окуляров в черной оправе, толщиной с гусеницу, - а за ним, по пятам, Март - через плечо на ремне шкатулка с инструментами, - и самым последним шаркает башмаками Юрген с тюленьим лицом. А у Юргена, оттого что хозяин аптеки сразу же с ним пошел и тем самым спасает его голову от ратманских пивных кружек и подсвечников, - у Юргена от всего этого и, особенно, еще после бокальчика кларета так хорошо на душе, что ему от всего сердца хочется немножко поугодничать перед мастером.

- Послушайте, господин мастер, - спрашивает запыхавшийся Юрген, едва поспевая за ними, - как же в этой красивой песенке поется, которую в городе в честь вашей снадобницы* сложили? Если только я правильно помню:

Кто наши зелья будет пить,
на свете долго будет жить.*

- Ведь так, не правда ли?

- Так. Именно так, - с готовностью подтверждает мастер Иохан и даже сам вместе с Юргеном охотно мурлычет:

На свете долго будет жить!

- А дальше так, - Юрген громко поет:

Берите снадобья у нас
от насморка и всех зараз!

И мастер Иохан важно горланит:

От насморка и всех зараз!

И как только мастер пропел "насморка" и уже собирается перейти к "за-араз" - он вдруг зажмуривает глаза и разевает рот - как будто намеревается заорать и только ждет, пока ему дадут на то разрешение. Он запрокидывает дрожащую голову, очевидно, получает разрешение и заканчивает, но только не "за-араз", а вовсе "за-аа-пч-хии!"

АПЧХИ-И-И!

Так, что освещенные утренним солнышком песочные белые и светло-серые шершавые стены отзываются: аааааа! Так, что желтые и ржаво-красные осенние листья летят через фронтоны домов - пчхи-ии! - и вертятся вокруг зеленых - медных и серых - свинцовых башен. Так, что встречные отскакивают в сторону и говорят:

- Ой-ой-ой-ой, а ведь и мастер Иохан заработал себе насморк!

* Стихи - в переводе Светлана Семеновна (1938-2007).

Но мастер Иохан вытирает нос тыльной стороной руки, потому что у него в самом деле страшный насморк (а до того времени, когда даже такие важные лица, как аптекари, начнут пользоваться носовым платком, пройдет еще сто лет). Да, он вытирает тыльной стороной руки свой насморочный нос и с весьма кислым лицом через плечо говорит Юргену:

- Хватит! Вставь затычку!

Юрген еще за мгновенье до того уже чувствует, будто что-то неладно, но все еще не понимает, что же именно. Во всяком случае, от испуга он совсем закрывает рот.

Так они и маршируют по утреннему городу. Мимо высоких стен, узких окон, дугообразных, как брови, дверей, плитняковых лестниц, мимо плит с гербами и узорами. Вверху, над башенками церквей, огромное синее небо. Внизу, среди конского навоза, булыжников и сора, в веселых утренних лужах синие пятна неба.

А утро такое великолепное и отрадное, что Март испытывает сильный соблазн, ужасно сильный соблазн, попробовать - стерпит или не стерпит мастер, если до конца пропеть ходячую про их снабницу песенку... И Март тихонько начинает тянуть:

От лихорадки и чумы
честной народ избавим мы!

И поскольку на эти сомнительно звучащие строчки, несмотря на свой насморк, хозяин только разок громче шмыгнул и знай себе шагает, Март уже ни о чем не беспокоится и полным голосом поет:

Пожертвуй талер золотой,
чтоб крепче был из трав настой!

О да, Март мог бы нам кое-что поведать о том, какие едкие, терпкие, горькие, приторные, скользкие, крепкие, сильные, злые у них лекарства. Даже боль-

ше, чем самые перелеченные мастером Иоханом больные. Потому что, хотя всем им пришлось принимать в больших количествах различные снадобья, но каждый из них принимал то одно, то другое, то третье. А Март, истинная правда, только из чистого любопытства лизнул языком каждое из этих зелий: ящеричные язычки, порошок мумий и даже муку жженого собачьего кала. Хотя, может быть, и совсем-совсем чуточку.

К а к о г о же все-таки они вкуса? И поэтому теперь он с тем большим удовольствием продолжает петь:

А как восстанешь жив-здоров -
добром помянешь докторов.

И к нам придешь, сомненья нет,
купить и мёду и конфет.

И в это время мастер Иохан ставит ногу особенно четко. Очевидно, он хочет шагом своим подтвердить, что всё, о чем здесь говорится, чистая правда. Кстати сказать, против того, что в песне, например, поется про талеры, ни одна душа наверняка не станет возражать. Потому что сказано совершенно честно и без всяких обиняков: несите, мол, к нам в мошну золотые талеры! Значит, можно думать, что всё, что за талеры делается, будет сделано так же честно и без всяких обиняков, то есть составленные лекарственные смеси, ну и там всё прочее. Однако дальше петь Марту на этот раз не приходится, ибо они уже пришли. Решительным шагом поднимается мастер Иохан по чисто выметенным ступенькам в дом к господину Калле на улице Мюйривахе, и госпожа Калле самолично встречает его в высоких дверях.

Это тучная госпожа с весьма важным лицом, или - если говорить прямо - старая карга со злющими глазами. На ней роскошное зеленое бархатное платье,

по несколько фунтов серебра на шее и запястьях, а на пальцах так даже и золото (ибо до повеления, которое ограничивает великолепие даже ратманских супруг, опять-таки должна пройти еще добрая сотня лет).

Кланяясь госпоже, мастер Иохан превращается в такой крюк, что Марту за его спиной кланяться уже и ни к чему, в ответ госпожа только кивает, и то больше подбородком, чем головой, и возвещает:

- Нет, здоровье ратмана нисколько не улучшилось. Живот у него болит. Крестец у него дергает. Всё его тело изнывает. - Но про то, что желчь ударила ратману в голову и что он подсвечники и суповые миски домочадцам в голову швыряет, про это госпожа мастеру не говорит.

И они торопливо входят в дом, и мастер снова кланяется, на этот раз уже ратману, и опять так же низко, и Март опять обходится без поклона. Ратман возлежит на великолепной кровати с балдахином, она стоит в большой горнице прямо под мышкой у лестницы, ведущей в верхние комнаты. На ратмане ночная рубашка тонкого льняного полотна, но лицо - мрачнее мрачного. Усы у него пестрые, с проседью, взъерошенные и колючие, и он едва замечает поклон мастера Иохана.

- Да-да-да! У меня болит живот. Как будто грозовые тучи вертятся вокруг пупка. Крестец у меня дергает. Как будто у меня между спиной и задницей целая тачка горячих углей из кузницы, и будто кто-то время от времени прокалывает это место огненными железными прутьями. Всё мое тело изнывает. Будто я не таллиннский ратман вот уже девятнадцать лет, а всего-навсего мешок забродившего козьего дерма. Прежде всего я хочу, чтобы ты по моему описанию сказал мне, чем я болен.

Разумеется, для того и призвали сюда мастера Иохана. Итак, он музыкально тянет в нос то самое, для чего в эстонском языке нет пристойного названия, и начинает:

- Высокочитимый и уважаемый государь мой, благодетель и повелитель! Как солнце древней медицинской науки - Гиппократ, так и ее луна - Гален, и тем более, в позднейшее время - звездное небо медицинского искусства, как (что общеизвестно) называют лекарский факультет университета в Падуе...

Но мы-то ведь не станем его слушать. Даже ратман его не слушает. Даже ратманша его не слушает. Не говоря уже о Марте. Однако речь мастера, хоть она и не нужна никому, дело заранее предусмотренное. Доктор (или тот, кто вместо него выполняет докторские обязанности) или какой хочешь иной чиновник, который выполняет какие угодно другие важные обязанности, должен ведь выложить лекарские (или там какие другие) основы своей мудрости перед теми, кого он лечит или о ком несет заботу. Или должен, по крайней мере, иметь возможность их выложить, если у него есть основание полагать, что в противном случае его не примут достаточно всерьез.

- Гиппократ и Гален и весь лекарский факультет Падуанского университета при таких признаках предполагают... - Ну да, то, и то, и то, и то. - А теперь по всем правилам науки приступим к установлению, с чем *in concreto** мы имеем дело в случае болезни, которая напала на нашего повелителя и благодетеля, мньммньммньм. *Martine, da mihi arcam team!*

А, кстати говоря, что в это время делает Мартинус?

Ой-ой-ой... В то время, когда мастер Иохан произ-

носит свою речь, в большой горнице ратмана происходит одно весьма знаменательное событие. Разумеется, сначала даже в мыслях нет, что это событие сколько-нибудь знаменательное. Именно в это самое время сверху по дубовой лестнице спорхнула хозяйская дочь, барышня Матильда. Славная девушка-козочка, у которой (во всяком случае, в ту пору) нет ни папенькиной брюзгливой важности на лице, ни маменькиного серебра на шее. Только на кончике носа три веснушки и ярко-синие глаза. Ее сиреневое платье раскачивается, как крупный колокольчик. И вот она стоит у папенькиной постели рядом с маменькой. Так что маменька между дочерью и Мартом в точности, как безмолвная крепостная башня.

Когда мастер говорит: *Da mihi arcam team*, Март, конечно, подает ему шкатулку с инструментами и прежде - бряк-звяк - расстегивает ремни и отпирает ее. Только в это самое время взгляд Мартовых зеленых глаз устремляется в сторону госпожи ратманши и пытается - и перед ней и за ней - поймать синие глаза барышни Матильды. Потому что разок или даже два они только что уже встретились с его зелеными. Так что шкатулку с инструментами Март подает мастеру, в сущности, так сказать, затылком. А если бы у Марта была борода, если бы у него была настоящая борода настоящего мужчины, прекрасная, широкая, как лист, борода моряка, она сейчас у всех на глазах просто бы раздвоилась: и одна половина листа живо устремилась бы к мастеру и ратману, а вторая непременно реяла бы возле башнеподобной ратманши, стремясь к Матильде. Но у Марта еще нет бороды. Только рыжеватый пушок на верхней губе. Да и тот не очень-то заметен.

Не считая тех случаев, когда на него упадет сол-

нечный луч. Как вот сейчас. Сквозь свинцовую решетку окна большой горницы солнышко разрисовывает предметы и людей, и кажется, будто все они попали в странную, густую и нежную рыбацью сеть, а солнышко отбирает из пестрого улова отдельные предметы и заставляет их вспыхивать сверкающими точечками. Кстати, локоны Матильды уже у левого уха Марта, а его пушок - у ее открытого ротика, как бы говорящего - ой! И ни один из них никак не может оторваться от сверкающих точек на другом - пусть маменька Калле, эта толстая сторожевая башня, стоит тут между ратманской барышней и аптекарским учеником.

- Мньмньмньм, - говорит мастер Иохан у постели ратмана. - *Martine, infunde urinam consulis in ampullam congiariam!* И Март, разумеется, льет, только почти что мимо трехштофной колбы, ибо переливает-то он опять же чуть ли не затылком. А теперь мастер Иохан поднимает колбу в воздух, держит ее против снопа мерцающего света и смотрит то вытаращенными, то сощуренными глазами, как это делают и самые важные лекари, и самые ученые врачи, и говорит:

- Мньмньмньмньм. Благодаря нашей великой учености из того, что в данной колбе, булькая, обнаруживает свои тайны на сите солнечных лучей, мы яснее ясного видим, что это - ж е л ч н ы е с т р а д а н и я. Они мучают нашего дорогого повелителя и благодетеля. Это нежелание желтой желчи быть в обществе черной желчи и противодействие черной желчи, не желающей признавать своего равенства с желтой. Это - взаимное возмущение желчи внутри нашего дорогого повелителя и благодетеля. И мне надлежит остеречь вас: ежели этого не лечить самыми действенными снадобьями, то дело может

дойти даже до того, что оба мятежника, вспенившись, бросятся в голову нашему дорогому повелителю и благодетелю, в силу чего может случиться, что наш благодетель, вопреки своей большой доброте и совершенно против своего желания, начнет швырять тяжелыми предметами в домочадцев.

Ратман сопит и бурчит:

- Все не против своего желания, а именно по своему желанию. Мхм.

Но ратманша говорит:

- Мастер прав. И поскольку эти суповые миски и подсвечники, которыми швыряли здесь в нашу служанку, Юргена и дворника, пролетали весьма близко от моего носа, я требую, чтобы для ратмана как можно быстрее было составлено самое действенное снадобье.

Говорит и при этом берет Матильду за самый кончик подбородка, подобного райскому яблочку, и уже в третий раз отворачивает ее личико от аптекарского парня: вот так, чтобы не смотрела на него! На своего отца и отца города смотреть положено! Марту госпожа Калле пальцев в лицо не сует. Нет, не сует. Ибо Март не позволяет себе большего, чем только почтительно пялить глаза на ратманскую барышню. Что каждому городскому парнишке должно быть дозволено и что даже, в известной мере, желательно. Но ратманской барышне стр-р-рожайше запрещается неподобающим образом кокетливо-игриво смотреть парнишке в глаза. Фуй!

- Мньмньмньм, - говорит мастер Иохан, - самое действенное снадобье. Ясно. Самое действенное снадобье. Вообще самое действенное средство, какое только можно найти на земле среди прочих великих открытий врачебного искусства. Ясно. В данном случае и в настоящем казусе это, - здесь мастер Иохан

делает торжественную паузу, и его насморочный, да и сам по себе довольно высокий голос сползает по нотной лестнице на несколько почтительных ступенек пониже, и он произносит с хрипом и сипом, будто из-за полузакрытой двери погреба, - *mitridaatsium!* Да. Это чудо-лекарство, которое полторы тысячи лет тому назад составил сам армянский царь Митридат. Из пятидесяти четырех самых едких юрканийских растений и самых скользких понтийских морских животных и прочих чудес!*

- Хоть митридатсиум, хоть тидриматсиум, мне всё равно, - ворчит ратман, - главное, чтоб он навёл порядок у меня в животе, чтоб огонь в заднице у меня потушил, чтоб мое настроение исправил. Да-да-да... Я твой разговор с первых слов понял, ты собираешься за это зелье хорошо с меня содрать. Пусть так. Я не стану скупиться. Заплачу сколько спросишь. Но только ты этой своей отравы намешай как следует, навалом. Чтобы хватило. Потому что я, как ты видишь, не какой-нибудь тщедушный заморыш. Тело у меня из себя видное, авантажное,* зелья ему тоже нужно подходящую порцию. И во-вторых, я хочу быть уверен, что ты не подсунешь мне какой-нибудь ядовитой дряни. А что дашь мне настоящее царское лекарство. Поэтому: сколько я сам должен его съесть, столько и ты вместе со мной его сглотаешь.

- Ой-ой-ой, сверхуважаемый повелитель и благодетель, - поясняет мастер Иохан, - для моего кармана это лекарство в самом деле недоступно дорогое!

- Я заплачу, - говорит ратман, - как за то, что я сам должен проглотить, так и за то, что ты переведешь.

- Мньмньмньмньм, - тянет мастер, - мой повелитель и благодетель больше чем великодушен... Но

взгляните, у меня как раз обратная вашей беда. Да-а! У вас в теле обоюдное возмущение желтой и черной желчи и непримиримое их кипение. И поэтому митридатсиум вам полезен. А у меня желтая и черная желчь как раз чрезмерно гладко ладят между собой. У меня они в великом примирении все время разжижают одна другую. И поэтому, если я по приказу моего благодетеля должен буду есть митридатсиум, у меня он сразу же вызовет, по меньшей мере, судороги. В самом лучшем случае - страшнейшие судороги.

- Ладно, - говорит ратман Калле. И поскольку сейчас он не обсуждает в магистрате городские дела, а у себя дома решает, что нужно для его здоровья, то решает толково, просто и быстро. - Ладно, я не хочу, чтоб тебя схватили судороги или чтоб ты отправился на тот свет. Но и того меньше я хочу, чтобы это произошло со мной. Поэтому не согласен я без всякой поруки, одному небу известно, какое дерьмо глотать. *Ergo**: ровно столько, сколько нужно съесть мне, пусть съест со мной вместе этот твой ученик!

Ратман поворачивает свои усы-щетки и глазоловянные пуговицы к Марту. А что же умудрился сделать Март всего лишь за одно мгновение до этого? Ох, этот шельма-парень только что у ратманши за спиной послал Матильде огненный воздушный поцелуй! И это еще ведь только четверть дела. А три четверти составляет то, что и он только-только что получил от ратманской барышни точно такой же! И теперь он от своего успеха, правду говоря, малость струхнул. И в первый момент, когда ратман неожиданно повернулся в его сторону, совсем даже перепугался. Потому что какой-то миг ему страшно, а вдруг папенька заметил, что проделывают его

доченька и аптекарский ученик. Один миг он выжидает, не рявкнет ли ратман по этому поводу. Не то он наверняка придумал бы, как возразить против ратмановского решения, с которым мастер, разумеется, вполне согласен: чтобы он, Март, вместе с ратманом жевал этот митридатсиум. А то Март, например, может быть, заверил бы его, что сделать этого он никак не может (конечно, во имя ратманского семейства), ибо от митридатсиума у него уже трижды сразу появлялся отвратительнейший прилипчивый лишай, который переходил на всех, кто в это время оказывался с ним рядом... Нет, нет, конечно, такой лишай, который ни у кого другого никогда в жизни от митридатсиума не появится... Или что-нибудь еще более подходящее. А сейчас, от смущения не успев ничего придумать, он проворно говорит, будто хочет опередить возможное рявкание:

- Вместе с ратманом принимать митридатсиум? Ну как же! С величайшим почтением и удовольствием.

- И смотрите, чтобы этот видиратсиум был у вас к обеду готов! - говорит ратман.

- Всенепременно. Чем раньше, тем лучше, - подтверждает ратманша и бросает озабоченный взгляд на разрисованный и окованный железом сундук, где у нее спрятаны последние суповые миски.

- Мои повелители и благодетели, - говорит мастер и старательно скрещивает носы своих башмаков длиной с журавлиный клюв на шахматных плитах каменного пола, - всё будет сделано к полнейшему вашему удовольствию, наилучшим способом и подобающим образом и, что самое главное, в кратчайший срок. АА-ААА-ААА-ПЧХИ!

И домашняя собака ратмана, красивый пестрый серо-черный пёс, который при появлении мастера и

Марта держался около ратманши и на того и другого рычал, этот умный пёс теперь, когда они уходят, стоит около Матильдиной юбки-колокольчика и машет Марту хвостом.

Когда мастер и Март уже на улице и стук подошв начинает сворачивать в проход на Старый рынок, в верхнем этаже дома ратмана Калле распахивается окошко. В свинцовой раме появляется алый, для поцелуев созданный ротик барышни Матильды, и Матильдина быстрая ручка в сиреновом, как колокольчик, рукаве посылает вслед аптекарям (что, конечно, означает Марту, Марту, Марту!) множество воздушных поцелуев. Мастер Иохан ковыляет сопя впереди и даже не смотрит, что делает его ученик, идущий за ним по пятам. Так что Марту никто не мешает: он ловит все эти сине-осенне-воздушные поцелуи - а-ах! а-ах! а-ах! И шлет в окно ратманского дома свои: чмок! чмок! чмок! И громко хохочет. До тех пор, пока в окне не появляется вместо Матильдиного пригожего личика разгневанное, круглое, как сыр, лицо ратманши и окно так захлопывается, что свинцовая рама грохочет:

- Кра-ххх!

Однако в аптеке тут же, с ходу, без промедления начинается изготовление митридатсиума.

Правда, было бы преувеличением сказать, что мастер Иохан велел по сему поводу закрыть в аптеке ставни и зажечь свечи. Нет, этого делать он все-таки не велит. Это, может случиться, он велел бы сделать, если бы пришлось готовить чудо-лекарство для больного, который сам бы при этом присутствовал. Тогда да. Тогда, может случиться, он приказал бы, чтобы чадила жаровня, чтобы под аптечными сводами клубились сладко пахнущие облака, и

даже, может случиться, он велел бы повесить вокруг свечей шлифованные стеклянные хрусталики, которые бы болтались, и от этого пламя свечей в облаках чада особенно бы сияло, сверкало и колыхалось. Но когда нет посторонних, мастер таких фокусов не устраивает. Без посторонних мастер даже не делает такую работу в самой аптеке. Потому что и разрисованные потолочные своды, и дорогая облицовка стен, и стеклянные шкатулки, и высушенный крокодил, который с растопыренными лапами и раскрытой пастью висит на потолке, - всё это гораздо нужнее для посторонних, чем самим мастеру и Марту.

Итак, к изготовлению митридатсиума они приступают, как и к любой другой повседневной работе, в заднем помещении, то есть в рабочей комнате, или - лаборатории.

Это весьма деловое помещение: вокруг очага полно сажи, а на сводах так даже плесень, но реторт, полок, бутылок и банок здесь еще больше, чем в самой аптеке.

- Март, - говорит мастер, - приготовь нужное количество бутылок, мисок, кружек, да, понадобится и ступка - ааа-ааа-аапчхи! Ух! Тогда я начну смешивать основные вещества - аа-аа-ааа-аапчхи! Ух!

Март ставит на стол в лаборатории рядами бутылки, миски, кружки и, само собой разумеется, весы.

- Мньмньмньмньм. А теперь загляни в чудесные сосуды на полках! Где что: *primo* - мука из ящеричных язычков, *secundo* - прах мумий, *tertio* - собачий кал в порошке, *quarto* - молотая гадюка, *quinto* - рубиновая пыль. Наши последние три лота рубиновой пыли. Этого должно хватить. Иначе нам в самом деле придется толочь новые рубины, как я врал Юргену, говоря, что они у нас в работе. *Sexto**...

Ну и так далее и тому подобное, еще сорок восемь различных веществ. После чего мастер говорит:

- Мньмньмньм. Ты, разумеется, понимаешь, что митридатсиум я приготовлю сам. Ибо для тебя это слишком ответственное дело.

Ну, чего там, Март, конечно, понимает. Хотя в этом доме редко случается, чтобы мастер сам что-либо делал. Но митридатсиум, и правда, каждый день не делают. Так что пусть мастер сам им и занимается. Хотя, между прочим, Март уверен, что составленный им митридатсиум ничуть не меньше подействовал бы на здоровье ратмана.

- Мньмньмньм. Начнем. Прежде всего дай мне для основы электуариума*, ну, скажем, три лота пчелиной пыльцы!

Март открывает горшок с пчелиной пыльцой, маленькой серебряной ложкой берет подходящее количество и кладет на чашку весов. Мастер ставит на другую чашку трехлотовую гирию и для точности добавляет еще щепотку. И тут - и тут он зажмуривает глаза и разевает рот.

Так-так! В точности так, как будто он собирается заорать и только ждет, чтобы ему дали разрешение. Потом откидывает назад дрожащую голову, получает разрешение и чихает - ААА-АААА-ПЧХИ! ИИИИ! Со страшным усердием и четырьмя "и". И хотя в последний момент он отвернул нос в сторону, это ничего не спасает. Порыв ветра от его чиха такой сильный, что пчелиная пыльца исчезает с весов, будто ее корова языком слизала...

- Мньмньмньм, - говорит мастер, - слава тебе Господи, что это случилось у нас не с рубиновой пылью, а с пчелиной пыльцой, которая стоит только десять шиллингов лот.

- И за которую мы сами платим лишь два шиллинга за лот, - замечает Март.

- Но благодаря которой наша потеря составляет всё-таки тридцать шиллингов, а не шесть, баранья твоя башка! - ворчит мастер.

Но Марту лень возражать, потому что толку от этого всё равно не будет. Кроме того, мастер тут же велит снова достать с полки пчелиную пыльцу. И на этот раз работа некоторое время идет весьма успешно. Март сыплет на весы, как велит мастер, пчелиную пыльцу, и молотую акулю чешую, и козлиную кровь в порошке. И мастер отвешивает нужные дозы, высыпает их на каменное блюдо среднего размера и смешивает.

Он собирается уже приказать Марту подать два полуштофа масла дождевых червей, чтобы приступить к приготовлению основы электуариума. Но тут на него снова нападает неотвратимый чих.

АА-ААА-АПЧХИ!

Когда порыв бури и вихрь, вызванные чиханием, улеглись, на каменном блюде не оказалось ни одной пылинки дорогой смеси трех порошков. А капли, которыми покрыт сам мастер Иохан и весь стол, явно не из бутылки с маслом дождевых червей, а неведомо откуда. Потому что бутылку Март крепко прижимает к груди, и затычка плотно сидит у нее в горлышке.

- Мньм, - говорит мастер Иохан, придя в себя после чихания. - Мы совершаем ошибку, начиная с порошков. Сегодня нам следует начинать с жидкостей.

Итак, они начинают сначала, теперь уже с жидкостей. Март приносит, как ему велено, спирт, настоенный на мокрице, отвар волчьих кишок и эссенцию мумии, и мастер накапывает пипеткой дозу каждого

сверхдорогого снадобья в широкий бокал сверкающего стекла. Но как только он собрался в смесь из этих драгоценных капель налить из каменного кувшина полштофа не менее дорогой мочи черной кошки, на него нападает очередной приступ. Он откидывает голову назад (ААА-ААА-ААА), быстро отворачивает лицо от бокала, но в тот момент, когда он сам содрогается от сумасшедшего АПЧХИ, кувшином с кошачьей мочой он опрокидывает дорогой бокал. Бокал катится по столу и раньше, чем Март успеваает его подхватить, падает на плитняковый пол, в результате чего не только в нем не остается ни одной капли, но и сам он разлетается вдребезги.

- Мньмньмньм, - говорит мастер, после чего надолго умолкает. - Как же нам теперь быть? А?

- Я полагаю, - говорит Март, - нам теперь остается только одно: чтобы мастер прикрыл себе чем-нибудь лицо и говорил мне по порядку, чего и сколько брать и как делать, и я сделаю. На этот раз. Кхм.

- Мньм, - говорит мастер Иохан, - на этот раз нам действительно ничего другого не остается. Но как же мне прикрыть лицо?

- Ну, - говорит Март, - рот и нос мастеру завязывать нельзя. А то я не пойму, что он мне будет приказывать. Но, одну минутку, кажется, я нашел уже сосуд...

- Какой сосуд?

- Подходящий.

- Что за сосуд?

- Тот глиняный сосуд для варки мазей. Он как раз пустой. И наверняка в нем будет семь штофов. Так что голова мастера свободно пройдет в него вместе с носом и очками.

- Как?

- Ну, мастер наденет этот горшок себе на голову.

Он закрывает лицо мастера до самой шеи. Так что из-под него даже ветерок не дунет. Надежнее, чем шлем. Потому что в горшке нет щелей ни для глаз, ни для рта. А всё, что из-под него говорится, глухо, но хорошо слышно. Мастер будет только говорить, а я всё только делать.

Ничего не поделаешь, так они и поступают. Потому что лучшего выхода, чем этот глиняный горшок для мазей, который пришелся мастеру точно по голове, они не нашли.

В какой момент, в какой именно момент план, внезапно созревший у Марта, пришел ему в голову, теперь сказать уже трудно. Ясно только одно: чем дольше Март носил мастеру нужные для митридатсиума вещества (сами подумайте, что это за вещества и какие у них названия!), тем тревожнее становилось у него на душе.

"И как только я смогу глотать у постели ратмана Калле это проклятое зелье, которое мы сейчас тут смешивали?! Столько же, сколько и он?! И при этом делать такое лицо, будто эта еда самая что ни на есть обычная, или еще того больше - самая для меня приятная?! Потому что именно такое лицо хотел бы увидеть мастер. Чтобы ратман не отказался вместе со мной поглощать эту царскую сверхотраву. Потому что скривись я хоть чуточку, если будет заметно, что от отвращения я ем через силу, это может так подействовать на ратмана, что он тут же откажется принимать митридатсиум, и плакали тогда денежки, которые мастер надеется получить. А это было бы подобно выстрелу из мортиры с самым толщенным дулом, если подумать, сколько стоят все эти отравы волчьих кишок *et cetera**... И, кроме того, что тоже само собой понятно, если этот выстрел произойдет, то попадет он не только в него, но обрушится и на мою шею - пойдут погрёки, крики, оплеухи! Как это я, такая-сякая баранья башка, не сумел сделать сладкого лица и аппетитно почмокать, чтобы ратман съел свою порцию митридатсиума, и тогда ему уж непременно придется платить, ничего другого ему не останется".

Каким образом эти мрачные рассуждения и та, другая мысль, чтобы мастер надел на голову глиняный горшок и не чихал на все кругом, слились у Марта в один великий план, этого никто уже теперь точно сказать не может. Но догадка вспыхнула, воображение разгорелось, предварительные наметки мелькнули, и план родился. Как с планами всегда. И теперь до смешного ясно стоит у Марта перед глазами.

"Вот так я теперь и сделаю. Ах, честно ли это, и порядочно ли, и безупречно ли, и хорошо ли, и

годится ли, и похвально ли, и так далее?.. Ох, всемогущий Господь на небе, и Иисус Христос справа от него, и Дева Мария, и все святые... И особенно святой Стефан - защитник всех маленьких плутов: вы же все знаете, что ничего дурного это никому не причинит! Только одно хорошее!

Потому что уменьшится риск и мастер получит свое серебро, во всяком случае, ратмана от митридатсиума не вырвет (и меня тоже) и, следовательно, уже немыслимой станет грозная опасность, что в результате всей этой истории с митридатсиумом меня же еще и поколотят... Ах, ну даже если в таком виде митридатсиум меньше подействует на ратмана (чего я, по правде говоря, совсем не думаю), так ведь ему же не будет так противно его принимать и перевозомать его отвратительный вкус - значит, польза будет и ратману".

Да, но так ли просто осуществить план Марта? По-видимому, просто. Во всяком случае, ему никто не запрещает попробовать. У мастера плотно сидит на голове темно-коричневый семиштофный горшок из глины для варки мазей, который доходит ему до самых плеч. Сначала мастер сдвигает его немного наперед, потом немного назад, и руки у него покрываются сажей. Он ощупью придвигает к себе счеты с синими камешками и говорит из-под горшка (и голос его звучит так, как будто он сидит не здесь, на четырехногом табурете, а отдает Марту распоряжения из сводчатого подвала под полом лаборатории).

- Мньммм. Начнем сначала.

И Март действительно начинает все сначала. Чтобы делать по-своему. Вот как это происходит.

Мастер говорит:

- Возьми фунт муки слоновой кости - или как гораздо красивее будет сказать - с л о н ь е й муки.

И Март думает: мука слоновой кости? Или как он сказал - с л о н ь я мука - стой-стой, а что у нее за вкус? Правильно, я помню, вкус невозможно зат-хлой костяной муки... А, нет!

А к чему мне эта, как ее, слонья кость?

Да эту кость - разотри и брось,
выкинь совсем, и не будет жаль.

Нет, лучше возьму я
тертый м и н д а л ь!

Во-во! Миндаль. Ну хоть фунт сперва.

А то и больше. Пожалуй, два.

Да-да. Да-да-а!

И в самом деле берет миндаль и сыплет на блюдо. И передвигает на счетах (потому что у него тоже есть счеты) один синий камушек справа налево. Точно так же, как это делает мастер на своих.

Мастер говорит:

- Теперь возьми унцию толченых г а д ю ч ь и х
я з ы ч к о в.

Март думает: постой-ка, я ведь знаю, какого они вкуса. Так что я их не возьму. Они горькие, гадюки-злюки.

Каких еще там гадючьих языков?

Возьму корицы - и будь здоров!

Корицы возьму целую унцию.

Нет. Две, пожалуй, а лучше - три,

чистой корицы, пахучей корицы

три унции.

Хи-хи-хи!

Ее он и берет и сыплет на блюдо. И передвигает второй синий камушек вдобавок к первому.

Вдруг глиняный горшок на голове мастера, или правильнее будет сказать, голова мастера в глиняном горшке начинает качаться и, дрожа, замирает на месте. Март полой быстро прикрывает блюдо со

стороны мастера, и тут же из-под горшка раздается ужасающе гулкий, ужасающе рокочущий чих - КН-КНННН-КНННННН-ПЧХ-ХИИ!

В точности будто в подвале лаборатории подземному богу Вулкану влетел в нос мохнатый шмель.

- Мньм? - спросил мастер через некоторое время из-под горшка, - а на столе чувствовался ветер?

И, на всякий случай, Март наврал:

- Капельку. Пара гранов этих гадючьих язычков все-таки улетела. Так что пусть мастер надвинет горшок поглубже, и лучше, если бы он и сам отодвинулся подальше.

Мастер отодвигает свой табурет подальше от стола, и Март сует ему в ладонь его счеты. Чтобы он точно мог контролировать количество веществ, входящих в митридатсиум. Как и положено хозяину... И хозяин говорит:

- Мньмм. Следующим возьми унцию ласточкиного гнезда в порошке.

А ученик про себя думает:

Ласточкины гнёзда? Ага, знаем,

мы-то знаем, какой у них вкус!

Соломы вкус, навоза и пыли.

А что мне проку в этакой гнили?

Такое никто и в рот не возьмет!

Да что там думать,

возьму я нектара пчелиного,

и не унцию, и не две,

а даже дважды две!

И третий синий камушек у каждого из них - щелк - и на своем месте. А еще через некоторое время - четвертый, пятый и так далее.

Мастер говорит: - Теперь положи две ложки уксуса.

Март говорит: - Готово. - И кладет два грана мускуса.

Мастер говорит: - А теперь клади эти наши три лота толченого рубина.

Март говорит: - Готово. - И кладет три грана сушеного розмарина.

Мастер говорит: - А теперь пойдет мумифицированный клоп.

Март говорит: - Готово. - И льет малиновый сироп.

Мастер говорит: - Теперь клади три грана йоду.

Март говорит: - Готово. - И кладет полфунта мёду, мёду, мёду.

- А теперь, - говорит мастер, - всё залей настоем белены.

- Уже, - говорит Март и льет все больше розовой воды, воды, воды.

И так далее, и тому подобное.

Видно, что Март выбирает по собственному вкусу. Как вообще всякий мастер своего дела. Однако случается, что тоже очевидно, он выбирает составные вещества ради рифмы, но при этом все-таки не забывает и вкусовую сторону дела. А такое можно сказать только про большого мастера.

Но вот наступает середина утра. Девять раз трубят трубачи на ратушной башне. И наступает полдень, и трубят двенадцать раз. И в конце концов дело уже настолько продвинулось, что у обоих аптекарей на счетах слева пятьдесят четыре синих камушка, а сам митридатсиум - в белом полотняном платке.

- Как сероватый трехфунтовый каравай белого хлеба, - говорит Март.

- Как сероватая трехфунтовая мокрица - сегодня она почему-то светлее, чем, собственно, ей следовало быть, - говорит мастер Иохан, вынув наконец вспотевшую голову из горшка.

Мастер вытирает тряпкой копоть с рук, подносит

свой сине-красный с прожилками носище довольно близко к митридатсиуму и со свистом втягивает воздух.

- Не пойму, с моим, как ты сам видишь, легким насморком, достаточно ли п р а в и л ь н ы й у него запах, то есть достаточно ли он противный, как это требуется.

Март тоже тянет свой веснушчатый нос к митридатсиуму и нюхает:

- Запах вполне тип-топ.

Ну что ж. Вот они уже в пути, мастер Иохан сопит впереди, по пятам за ним Март с караваем митридатсиума, завернутым в платок.

И мастер чихает:

- АА-ААА-ПЧХИИ!

Может быть, не так неистово, как утром, по дороге к ратману Калле, а все-таки светло-серые и белые шершавые стены на дневном солнышке гудят - ИАА-ААА. А все-таки летят желтые и ржаво-красные осенние листья - ффрст - через фронтоны домов и кружатся наверху, в синем небе, вокруг медных и серых свинцовых башен. А встречные (хозяева и хозяйки, господа и госпожи, монахи и монахини, мужчины и женщины, мальчики и девочки, ремесленники, бездельники, рабочий люд, комедианты, жонглеры, фокусники и нищие) всплескивают руками и говорят:

- Ой-ой-ой-ой - и мастер Иохан сумел себе насморк заработать!

Когда мастер и Март подходят к дому ратмана Калле, его слуга Юрген уже на улице метлой замечает осколки оконных стекол и глиняной посуды:

- Вот-вот. Последняя в доме суповая миска. От которой мне удалось спасти голову, так что она вылетела в окно.

И госпожа Калле очень рьяно в дверях:

- Да-ааа. Слава тебе Господи, наконец-то вы все-таки... Ратману все хуже! Ваш митридатсиум очень-очень необходим.

И Март думает: "Скверное дело будет, если наш митридатсиум теперь уже не поможет. Потому что в рецепте я, как говорится, некоторые отдельные вещи заменил некоторыми другими..."

Еще с порога они видят, что господин Калле сейчас куда мрачнее, чем был утром. Марту, который смотрит из-за спины мастера, определенно кажется, что его хозяин втянул на всякий случай голову в плечи. Ратманша шумно проводит их к постели супруга, мастер кланяется, стучаясь лбом о кровать, и говорит:

- Мой повелитель и благодетель - АА-ААА-ПЧХИИ! - царский митридатсиум готов. Мньм. Я не

пожалел ни труда, ни расходов. Своей рукой я растолок для этого лекарства шесть лотов рубинов и семь лотов сапфиров. Не говоря о других медикаментах самых дорогих сортов. Как-то: пепел носорожьей щетины, капли драконова пота *et cetera*. Так что если мой повелитель и благодетель, приняв это лекарство, сосредоточит свои ценные мысли на всех этих редчайших веществах, которые исключительно только ради их самой совершенной целебной силы в него вложены, то совсем даже не потребуется, чтоб лекарство показалось моему повелителю самым вкусным. Мнѣм. Я сказал бы даже больше. Но не скажу. Но я заверяю: т е м универсальнее его лечебное действие!

А Марту приходится думать: "Только бы мастер, черт бы его взял, не наболтал сейчас лишнего! Потому что, когда вспомнишь, из чего составлен наш митридатсиум, то становится страшно, как бы ратман не заявил, что по вкусу он совсем не пригоден для лечения..."

Но недолго Март по этому поводу тревожится, ибо и на верхнем этаже слышно, что пришли аптекари, и барышня Матильда бежит к лестнице. И Март, прежде чем развернуть митридатсиум, вынимает из складок платка, в который каравай завернут, осенний ярко-розовый цветок гвоздики (только что потихоньку от мастера сорванный в садике позади аптеки) и мигом забрасывает его на лестничную площадку, так, что ни одна душа этого не видит. Кроме девы Матильды, само собой разумеется. Которая в тот же миг поднимает цветок и с таким видом его нюхает, как будто у него какой-то небесный, совершенно необыкновенный запах.

От такого ответного внимания Март до самой макушки преисполняется ни с чем не сравнимой

отвагой и разворачивает митридатсиум. Ратман говорит:

- Блюдо!

Кликнутый хозяйкой Юрген подает мастеру подходящее по размеру серебряное блюдо, на сверкающем дне которого изображен рыцарский турнир. Мастер осторожно кладет митридатсиум на блюдо, и рыцари, кони, мечи и султаны на шлемах исчезают под трехфунтовым караваем белого хлеба (или, если желаете, под трехфунтовой мокрицей). Ратман говорит:

- Нож!

И Юрген подает ему нож с костяным черенком.

"Нож со слоньей головой", - думает Март, и у него вздрагивает сердце. Он даже толком и не понимает, от того ли, что в это самое время барышня Матильда спускается с лестницы и становится прямо рядом с ним, так близко, что если бы Март немножко подвинул в ту сторону свой башмак с птичьим клювом, то мог бы клюнуть подол Матильдиной юбки, - или его сердце вздрогнуло все-таки от этого проклятого слова "слонья", от того, что это слово памятно ему в связи с митридатсиумом.

- Кхэм, - говорит ратман, приподнимается на подушках и, полусидя, кладет блюдо с митридатсиумом себе на живот, после чего разрезает каравай поперек, на две половины. - Мартинус, если я правильно помню, иди сюда.

Март подходит к постели ратмана. Но опять же подходит настолько затылком, что успеваает одним глазом заметить, что мама Калле держит Матильду сзади за юбку, чтоб Матильда не пошла вместе с ним.

- Ну, - ворчит ратман, - если уж нам не миновать этой самой чаши, то есть этой клёцки, то придется глотать.

При этом лицо у него такое же надутое, как у шкипера на корабле с пушками, принявшего решение открыть огонь по превосходящим его силы морским разбойникам - будь что будет! - и ждущего, когда пушкарь поднесет к пороху факел, чтобы ужасающе гр-р-р-р-охнуло и началось страшное сражение. Но пушкарь у него, как мы уже знаем, парень предприимчивый и занимается не только пушками, но и другими игрушками. И справляется.

Сейчас он хватает половину каравая митридатсиума и с удовольствием вонзает в нее зубы. И то же самое, только не без дрожи отвращения, сразу же делает и ратман Калле.

Но ощутить вкус митридатсиума и разобраться, каков он, для этого у Марта сейчас времени нет. Все его внимание поглощено угловатым лицом ратмана.

Полунасиленно едет первый кусок под решетку усов ратмана (под нехотя поднявшуюся железную решетку городских ворот) и въезжает в ворота. Кламп! - силится ратман проглотить. Но не тут-то было. Даже при решимости, присущей отцу города, кусок оказался слишком велик, приторная масса застряла у него в глотке, и мгновение ратман в самом деле близок к тому, что его вырвет.

- Ммм - я справлялся и с худшим, - мычит ратман, - когда серый люд в городе пытался сопротивляться, я все его попытки всегда подавлял. Сейчас и эту серую дрянь подавлю! - Могучие челюсти с отвращением начинают размалывать омерзительный груз. Кончик языка проталкивает разжеванное в гортань, и вдруг жевательная машина резко останавливается. Глаза Марта опять перебегают с Матильды на ратмана (ох, эта извечная борьба между чувствами и делом!) - ибо он понимает, что наступил решительный момент... Если его уловка пройдет и каждый из них

спокойно сжует свою половину каравая, значит, мастер получит серебро и даже, может случиться, что ратману на самом деле чуточку полегчает. Как почти всегда бывает с больными после того, как они наглотаются дорогого лекарства... Пройдет его уловка или выйдет скандал?..

То, что решающий момент наступил, осознают все стоящие у постели ратмана. Мама Калле от страха прижимает руку в золотых кольцах к сердцу и говорит:

- Миленький, дорогой, постарайся! Тогда все у тебя пройдет и останутся целы наши последние тарелки.

Мастер, показывая ратману, как нужно глотать, лепечет:

- Мньмньм, кламп! Быстро-быстро-быстро! Чем быстрее, тем меньше чувствуется вкус!

Матильда внимательно смотрит на отца. При этом один уголок ее ротика бесстыдно улыбается, у папеньки такое смешное, бессмысленное лицо, но второй уголок печально озабочен, потому что Матильда слишком хорошо еще помнит, как однажды, когда у нее был кашель, ей пришлось жевать лягушачьи лапки мастера Иохана и какой у них был вкус.

Юрген вытянул в сторону шею и на всякий случай держит в воздухе между собой и ратманом серебряное блюдо из-под митридатсиума. Ибо на углу стола, достигаемый для руки ратмана, стоит свинцовый бокал, а никто не может знать, каким образом движется желчь в ратманском черепе.

Домашний пёс ратманского семейства, красивый черно-серый пятнистый пёс, сидит, облизываясь, у самой постели, стучит кочерыжкой хвоста по шахматной доске каменного пола и смотрит поочередно

то на жующего митридатсиум хозяина, то на жующего митридатсиум Марта.

А Март, уставившись выпученными глазами прямо в глаза ратману, грызет митридатсиум с таким видом, как будто это самая повседневная его обязанность. И тут он видит, что ратманские глазопуговицы вылезают из гневных складчатых век, а их серое олово начинает странным образом плавиться. При этом обвислые ратманские усы пушисто вздымаются кверху.

Кстати, первым из всех ничего не подозревающих это заметил мастер Иохан. Очевидно, потому, что он на самом деле начинает тревожиться по поводу состава митридатсиума: все-таки он сделан руками Марта, поди знай, может, парень как-нибудь немного и напутал - только едва ли ратман языком сумел это распробовать...

Все же остановившиеся челюсти ратмана и его пушистый, торчком стоящий ус заставляют мастера Иохана насторожиться.

- Мньмньмньм, - мямлит ратман, и можно даже подумать, что говорит не он, а мастер.

- Мньм, что-нибудь случилось? - спрашивает перепуганный мастер.

- Этот ваш митриватсиум, - говорит ратман, - по вкусу никакой не видриматсиум!

- Как, то есть, как же?..

В беде мастер одерживает верх над всеми своими глубокими аптекарскими познаниями: он быстро отламывает кусочек от мартовской половины митридатсиума и сует его в рот.

- Мньмньмньм, Иисусе Христе! Это же действительно не... - С перепугу забыв, где он находится, мастер вопит:

- Март, деревянная твоя башка, щенок! Чего же ты

сюда наворотил?! Это же какая-то сладкая отравка. От нее, ей-богу, стошнить может!

Ратман кладет в рот вторую порцию митридатсиума и, чавкая, спрашивает:

- Ах, так значит, Мартинус у тебя замесил этот хлеб?

- Ну да, он, - мастеру ясно, что он во всех отношениях зашел слишком далеко и что ему нужно как-то спасти положение: в конце концов, откуда ратману знать, какого вкуса бывают в мире митридатсиумы...

- Мньм... Мой дорогой добродетель, Март мне помогал... в некоторой мере...

- Кхм, - перебивает его ратман, - право, я не думал, что у этой дряни т а к о й вкус...

- Мньм... Мартинус мне помогал... потому что у меня сильный насморк... и, наверно, немножко испортил...

- Вот уж не думал, что это такое сатанинское сиропное тесто, хо-хо-хо-хо!

- Он его замесил и сделал совершенно непригодным, - сдаётся мастер Иохан. Потому что он решил, что спасенья все равно нет. Со злостью - тьфу! - он выплевывает митридатсиум на пол. В тот же миг черно-серый пятнистый ратманский пёс жадно этот кусок проглатывает и тщательно вылизывает квадрат на полу, где лежал митридатсиум. Впрочем, никто этого не замечает, потому что ратман в это время приподнимается на подушках.

Он начинает греметь:

- Хо-хо-хо-хоо! Этот тидриматсиум, этот Мартом намятый каравай, этот Мартом изобретенный хлеб - это же чертовски великолепная вещь! Идите сюда, попробуйте.

Он отламывает кусок своей жене, он отламывает кусок своей дочери, он берет у Марта из рук его поло-

вину и отламывает кусок Юргену. Все трое нюхают, осторожно, через силу откусывают и с удовольствием принимаются жевать. И когда домашний пёс начинает так громко стучать хвостом по полу, что это слышно даже при всеобщем жевании, ратман отламывает и ему кусок от собственной половины.

- Папа, - кричит Матильда, - это же просто удивительно как вкусно! Этот Мартов хлеб, он гораздо вкуснее имбирного мёда, морселей и лакричного сахара*!!!

- Мм, - говорит мама Калле, - дай мне еще кусочек попробовать.

И Юрген сопит:

- Истинная правда, отменное тесто... Да только мне бы надо цельный шиффунт его навернуть, чтобы сошли все мои синяки на затылке от ратманских суповых мисок.

А ратман высовывает из-под одеяла волосатые голени, ставит ноги на пол, рукой запикивает в рот остаток митридатсиума, встает и в простыне и ночной рубахе, растопырив пальцы на ногах, идет от кровати к окну и обратно - от окна к кровати. У кровати он останавливается. Выпячивает живот, как всегда, перед тем, как изречь важное решение, касающееся судьбы и жизни города. Он говорит:

- У меня болел живот, как будто грозовые тучи собрались вокруг моего пупка. Данный сидриватсиум, который для того, чтобы и необразованные понимали, я попросту назову Мартовым хлебом, итак, этот М а р т о в х л е б излечил мой живот. Кхм. Крестец у меня дергало, будто задницу мне прокалывали раскаленными прутьями. Этот Мартов хлеб вылечил дерганье в заднице. Тело мое было полно тоски. От этого Мартова хлеба нытье в моем теле как рукой сняло.

Ergo: я желаю каждый день есть этот Мартов хлеб. После завтрака, после обеда, после ужина. Наесться всё время. С глотком кислого вина для полного удовольствия... И чтоб меня не обвинили в том, что я пекусь только о себе (как уже иногда случалось, кхм), - отныне во всех сколько-нибудь почтенных домах, во всяком случае во время государственных и церковных праздников, следует кормить Мартовым хлебом - за столом у бургомистра, у ратманов, у купцов, у гильдейских старшин, у цеховых мастеров и так далее. И даже серому люду можно дать на Рождество его понюхать, чтобы он меньше артачился против городского управления. И теперь слушайте, что по этому поводу достопочтенный магистрат города Таллинна моими устами приказывает делать данному аптекарскому Мартинусу и аптекарскому мастеру Иохану, как его помощнику.

Им надлежит отправиться и приступить к изготовлению данного Мартова хлеба по рецепту данного Мартинуса (и ни на йоту не отступая, по причине улучшения изготовления), и в таком количестве, которое допускают аптекарские запасы, посуда и силы! И при этой работе помнить и знать: достопочтенный таллиннский магистрат, и единственно только он, что само собой понятно, сумел за последние полстолетия взрастить наш город до одного из самых цветущих торговых городов здешнего края, и в этом смысле только что данный приказ сугубо свидетельствует об его дальновидности. Ибо мы приказываем изготовить данного Мартова хлеба столько, сколько нужно для того, чтобы мы могли возить его в чужие страны и города. Даже если самим будет недостаточно. Но на чужбине Мартов хлеб должен сделать нас вдвое более знаменитыми, а имя Таллинн, до сих пор известное только ворванской

вонью, вкусом железа и запахом зерна, стало бы на устах всего мира сладким! Идите и делайте, что приказывает магистрат! И, кстати, сегодня к вечеру чтоб у меня на столе было четыре фунта Мартова хлеба!

Во время длинной речи у ратмана, у ратманши, Юргена и Матильды Мартов хлеб был съеден до последней крошки. Только у самого Марта, оттого что он напряженно слушал, глядел по сторонам и на Матильду, оставалась еще почти целая половина половины каравая. И теперь, когда Матильда после этих слов захлопала в ладоши и крикнула: "Ой, как замечательно, значит, вечером мне опять дадут!" - Март начинает пальцем заглаживать следы своих зубов на серовато-розовато-белом каравае, решительным шагом подходит к Матильде и говорит:

- Благородная барышня, вы получите его сразу же. Извольте. Прошу вас.

И у всех на глазах - и ратманской четы, и мастера, и Юргена, и домашнего пса - он звонко целует четвертинку хлебца и сует ее Матильде в руку с таким светским поклоном, как будто он не сын покойного ночного сторожа городского селечного дома, а самый жеманный юноша в орденской пажеской школе.

Матильда по этому поводу заливается румянцем и становится похожа на розовый бутон, она быстро кусает мелкими белыми зубками Мартов хлеб. Как будто надеется, что ей удастся спрятать за ним свой румянец. И пятнистый черно-серый домашний пёс сидит на полу и смотрит преисполненным надежды взглядом на молодую хозяйку и в знак верности стучит хвостом - копс-копс-копс-копс...

Ратман ничего не видит. Он еще слишком захвачен своим великим решением. Но ратманша всё видит и всё слышит (эти копс-копс-копс-копс

собачьего хвоста ее почему-то особенно донимают), того и гляди печенка у нее лопнет. И опять же от злости на бедняжку малютку-Матильду. Ибо сыну покойного ночного сторожа городского селечного дома так и положено стараться, насколько сумеет, своим мужицким и грубым способом быть вежливым с ратманской барышней, а если это у него получается почти так же ловко, как у некоторых купеческих сынков или даже молодых людей из дворян, ну так тем лучше, но, Господи Боже, ратманская барышня ведь не смеет же...

Чего она не смеет, этого не могут знать ни Март, ни мастер, ибо до тех пор, пока они в комнате, мама Калле из своих пушек не стреляет.

Но вот мастер и Март на улице и громко топают по Мюйривахе в сторону Ратушной площади. Только теперь Март догадывается о негодовании, царящем в ратманском доме. Ибо, как известно, он смотрит через плечо назад и посылает в верхний этаж воздушные поцелуи (где же быть Матильде, как не возле окна, так ведь?). И вот Март видит, как за спиной дочери появляется круглое, как сыр, лицо мамы Калле, и как бедного, машущего рукой ребенка с силой оттаскивают от окна. И Март слышит, как маменька рявкает:

- Негодная девчонка! Что ты себе позволяешь! Подожди! Я тебе! Господи Боже! Когда я была молодой...

Как это было в те довольно давние времена, когда ратманша была молодой (если такие ратманши вообще когда-нибудь бывают молодыми - думает Март), как это было в те давние времена, остается Марту неизвестным. Потому что свинцовая оконная рама с таким грохотом захлопывается, что Март невольно думает: в некотором отношении и в неко-

торых случаях свиной пузырь в окнах был куда надежнее стекло...

И они идут дальше. Марту, конечно, глупо было бы вылезать вперед и идти перед мастером, хотя ратман в своей речи низвел мастера до его помощника, во всяком случае в изготовлении Мартова хлеба. Но тащиться, как всегда, у мастера за спиной Марту как-то немного странно сегодня, если великое и для всего города важное дело, как можно думать на основании сказанного ратманом, возникло благодаря ему, Марту. Итак, Март идет бодрым шагом рядом с мастером. И при этом он обращает внимание на то, что мастер сопит сейчас в три раза сильнее, чем когда шел к ратману, хотя насморк его стал как будто поменьше, если судить по тому, что он реже чихает. Но как раз в тот момент, когда Март хочет объяснить мастеру, как и почему всё в сущности произошло (ибо немножко у него все-таки душа не на месте), как раз тогда на мастера нападает самый страшный за весь день чих:

- АА-ААА-АААА-АПЧХИ!..

Так что вокруг выстрелило во всех подворотнях. И когда гул и свист утихли, Март решает, что, наверно, в этот миг Божий перст пощекотал мастера, чтобы тому захотелось чихнуть и тем самым удержать Марта от откровенности.

Решает и молчит. Некоторое время он молча идет рядом с мастером и вдруг начинает напевать:

А как восстанешь жив-здоров -
добром помянешь докторов.

И Мартов хлеб, что всех вкусней,
восславишь до скончанья дней!

Ну вот, на этом и был бы нашей истории конец, как говорится, - всему делу венец. Если бы любопытство не заставило нас все же посмотреть, как спустя

пару недель, или лучше - месяцев выглядит ратушная аптека снаружи и внутри.

Окошек для покупателей в передней стене аптеки уже не одно, а два. И Марта, щурящегося на солнце, в них как раз и не видно. У старого окна тормозится мастер Иохан, и кажется, будто синие прожилки на сине-красном его носу за это время потемнели, а красные поблекли. И тормозиться ему там, у окошка для покупателей, особенно-то нечего. Разве что продать какому-нибудь обуреваемому жаждой магистратскому ландскнехту* бокал кларета, или кашляющему сапожницкому подмастерью накапать со дна пузырька глоток мочи черной кошки, или купить у пришедшего на рынок крестьянина полный туесок ягод можжевельника, потому что много ли их - нуждающихся в лекарствах - и прежде-то ходило к мастеру Иохану. Про сейчас и говорить не приходится.

В стене рядом со старым окном прорублено новое, возле него суетится парень, недавно принятый в аптеку Мартом. С первого взгляда, кстати, весьма похожий лицом на самого Марта: под горшок остриженные волосы и веснушчатый нос. Только глаза, если вблизи поглядеть, у него не такие зеленые, как у Марта, и лицо тоже, наверно, поплоще. Но у его окошка, перед ставнями, толпится добрых две дюжины ретивых покупателей, и он только и делает, что подает им - швырк-швырк-швырк - и серые, и белые, и желтые, и розовые Мартовы хлебцы, а взамен - звяк-звяк-звяк - получает шиллинги...

А в толпе покупателей говорят:

- Такой сладкой штуки наверняка нигде больше и на свете нет.

- На Мартов-то день нужно ведь Мартовых хлебцев припасти...

- Мне жена наказала: без него и домой являться не вздумай...

- Теперь поторапливаться надо, да, потому что нынче полные корабли его посылают в Ригу, в Турку и куда там еще, а миндальная мука у них, будто, у самих уже на исходе...

А если просто из любопытства или в поисках сладостей заставить прозвенеть дверной колокольчик и войти в аптеку, то сразу видно, что в ней за это время произошло.

По приказу магистрата мастеру Иохану пришлось уступить Марту половину аптеки и половину лаборатории для изготовления Мартова хлеба. В этой половине аптеки все стеклянные и глиняные сосуды с полок убраны, вместо них там полно Мартова хлеба всевозможных размеров, сортов и цвета, хлебов и хлебцев: сероватых и угловатых, как овечий сыр, желтоватых и удлиненных, как будто это воск, отлитый в маленьком бочонке, и розоватых и округлых, как копченая ветчина, с которой содрали шкуру. На некоторых выписаны даже листики клевера, или розовые бутоны, или городской герб с крестом, как известно, при помощи тех самых каменных или серебряных форм, которые Март заказывал для своего сладкого товара у соответствующих мастеров и уже успел за это время получить. Да и самого его хорошо видно из дверей аптеки: рукава засучены, лицо потное, поучает в лаборатории трех помощников, которые в больших каменных корытах растворяют весьма дорогие продукты для Мартова хлеба. И над ними такое облако сладких запахов, что если бы кому-нибудь захотелось бросить сверху, с заплесневелых потолочных сводов, душистые пунцовые лепестки шиповника, вряд ли они опустились бы на пол, скорее продолжали бы парить в облаках запахов миндальной муки и розовой воды...

Но лицо Марта потное прежде всего оттого, что он только что быстро шел, возвращаясь из гавани, откуда на самом деле отправился в Ригу или Кёнигсберг* первый корабль Мартова хлеба. К о р а б л ь М а р т о в а х л е б а, как говорит город. Как Март сам помогает городу говорить. Ну да, корабль Мартова хлеба, конечно, это следует понимать буквально... в полном смысле слова, вне всякого сомнения, это так и есть, но только все же с не совсем полным грузом. Ибо фрахт старого увальня составляет двести шиффунтов ворвани и четверть шиффунта Мартова хлеба... Это правда, так, конечно, оно и есть, - думает Март, - но ведь и с колбасой из птичьих языков дело обстояло бы точно так же: для начинки берут одну лошадь и один птичий язычок... И еще со многими, многими другими вещами, размышляет Март, дело обстоит точно так же, - мы даем им название по их лучшей части, пусть она по сравнению с худшей хоть какая угодно маленькая. Так и с таллиннским кораблем Мартова хлеба... Только бы Господь помог ему благополучно дойти до места, и хоть бы они сумели хорошо продать не только ворвань других купцов, но и мои сласти. И не стану я мучиться и раздумывать, как его следует называть - мартово-хлебным или ворванским. Да, пусть лучше епископ* Хенрикус ломает себе голову, христианский ли вообще-то его приход... А если всерьез отнестись к вопросу о большей или меньшей доле, так его приход попросту табун языческих грешников!

Едва Март успевает до конца додумать эту бесстыдную мысль про епископа, как перед аптекой, на площади, раздаются восклицания и крики:

- Посторонитесь! Дорогу его преосвященству!

Колокольчик на дверях тихонько вызванивает приветствие, и аптека вмиг уже полна разными

важными господами. Такими важными, что мастер Иохан, который возится у своего окна, срывает с головы берет еще прежде, чем начинает кланяться... Да, другой раз в самом деле так бывает, как по-латыни говорится, *lupus in fabula**. Это значит, что если о волке заговорить или про него подумать, то он сразу же тут как тут... А ведь про епископа Хенрикуса Март как раз и думал, и - гляди-ка - этот высокий господин самолично стоит посреди аптеки во главе всех вошедших.

Белое драпированное одеяние поверх огромного брюха обжоры, по тройному подбородку бегающая довольная усмешка. По обе руки от него - пять или шесть каноников*, примерно такого же размера, а чуть позади - во множестве городские господа и госпожи. И среди последних, между прочим, Март тут же разглядел Матильду. Но ни папы, ни мамы Калле среди стоящих не видно.

- Хо-хо-хоо, - говорит епископ и поводит носом, - а п а х н е т у вас здесь так, будто сюда к вам притащили все вёсны Розового сада, и всё миро, и весь ладан Кафедрального собора*... На самом деле! А теперь я желаю это ваше чудо сам попробовать! Ибо нынешние городские купцы так непочтительны по отношению к своему епископу (тут епископ бросает на ратманов и ратманш полущельмовской и в то же время полупридирчивый взгляд, как бы говорящий: вы же понимаете, я вас, правда, обвиняю, но все же слишком всерьёз этого принимать не следует, ибо мы же все - одного поля ягоды), да, так непочтительны нынешние городские купцы к своему епископу, что я только по слухам знаю, будто в магистрате на пирах уже несколько месяцев подают это чудо, будто у ратманов за домашним столом его тоже уже едали, а епископу приходится довольствоваться

тем, что про него его уши слышали. Мартинус, ты, как я слышал, мастер этого дела, подай-ка мне кусок побольше!

Март в таких случаях не скупится. Он тут же подает епископу здоровый ломоть размером с пороссячий окорок.

- Извольте, господин епископ. Окажите нам эту честь!

И епископ оказывает. То есть, епископ ест. Так, что у него хрустит за ушами, рот чавкает, а его язык лакомки несколько раз - липс-липс - с наслаждением облизывает чмокающие губы.

- О-о-о! - говорит епископ, когда фунт Мартова хлеба уже исчез между его широкими зубами. - О-о-о... Это же действительно *casus* совершенно *extraordinarius**... И ты, сын ночного сторожа селедочного дома, умеешь готовить такое лакомство? И вместе с сыновьями каких-то лодочников и извозчиков вы его делаете? Невероятно! И назвали его Мартовым хлебом? В твою честь? Нет, нет, нет, нет! Это я вам запрещаю! То есть, так называть. Кушанье, которое вкушает епископ, а также его советники - он обернулся к каноникам - пробуйте, пробуйте - у такого кушанья, особенно если его происхождение весьма сомнительно, по крайней мере н а з в а н и е должно быть тонкое, латинское. Не Мартов хлеб. А *martipanis*. Мартипанис, который, если только у меня правильное представление о правилах латинского языка, во всем мире станут называть м а р ц и п а н о м. И тем, Мартинус, утешься! При наличии доброй воли внуки твои в этом названии найдут имя их деда. Несомненно. Если только у них достанет доброй воли. А теперь, - он снова принимается жевать кусок марципана и с набитым ртом продолжает, - теперь я хочу достойно тебя наградить за великолеп-

ное открытие. Да-а-а. Проси у меня чего хочешь. Только помни: я не король, у которого в сказках в таких случаях просят полкоролевства или руку королевской дочери. Хо-хо-хо-хоо. Ибо пол-епископства без разрешения Папы подарить тебе я не могу, а дочери у меня нет. Так что проси у меня что-либо разумное, подобающее моему епископскому сану.

От любопытства вся аптека притихла. Только епископ и каноники чавкают марципаном, а Март думает более напряженно, чем когда-либо: просить или еще не просить то, что он хотел бы попросить? Он ищет глазами Матильду, чтобы взглядом спросить ее, но Матильда спряталась между господами, ее не видно, и Март невольно смотрит в окно. Март видит на площади ратмана Калле с супругой, выходящих из проулка со Старого рынка. Они идут так быстро, как только могут, но идти немножко в гору по неровной мостовой все же нелегко. Через каждые десять шагов они останавливаются, чтобы перевести дух. Собственно, перевести дух нужно только маме. Ибо почему-то (или просто от какого-то предчувствия) она явно чего-то боится. И Март решает: ладно, пусть ее страх не будет беспричинным. Пусть у нее будет для этого достаточное основание. Именно!

Он скользит мимо епископа и каноников, мимо ратманов, берет Матильду за руку и тащит ее к господину Хенрикусу.

- Достопочтенный епископ, ведь благословение - ваше ремесло. Ничего другого я не прошу: благословите нас с этой девой стать мужем и женой.

- О-о-о, - говорит епископ, - это же Матильдочка ратмана Калле? - Мгновение он размышляет и сует в рот третий ломоть марципана. - Ладно. А, собственно, почему бы и нет?! Раз я уже дал торжественное обещание, дам вам и свое благословение.

Потому что таллиннскому магистрату - вам, друзья мои, это пойдет только на пользу, если я немножко подстригу пёрышки вашей гордости. Пусть хоть для вида. Пусть хоть только тем, что сына ночного сторожа я сделаю зятем ратмана... Да-а. - Теперь епископу, занятому политической деятельностью, приходит в голову, что существует и невеста. - Да-а, то есть, если ты, девочка, согласна.

Дева Матильда как раз в это время, слушая епископа, думает: "Гляди-ка, и слепой петух другой раз случайно зерно находит". А теперь она потупила сверкающие глазки, личико ее зарделось, как будто оно сделано из розового марципана, и шепчет:

- Да-а-а...

После чего епископ Хенрикус благословляет их на супружество. Только три раза успевает ударить сердце, и чета Калле входит в аптеку.

Ратманы со своими супругами сразу же окружают обе пары и принимаются так их целовать и поздравлять, что просто страх берет. Кто из вежливости, кто от ехидства, а некоторые, кто подальновиднее, и для того, чтобы скрыть зависть. Так или иначе, какое-то время делятся пожелания счастья и чмоканье. И только потом родительской чете становится ясно, что здесь произошло. Тут Калле так сгребает Марта рукой вокруг шеи, что невозможно понять, то ли он дал Марту неслышную затрещину, то ли в шутку, по-братски, пихнул его, то ли шлёпнул на правах тестя.

- Ну, такие истории другой раз и похуже кончаются! Если же Матильда сама желает стать женой мартово-хлебного мастера, так пусть и будет.

- Женой марципанного мастера, - поправляет епископ.

Но госпожу Калле это нисколько не утешает. Гос-

пожа Калле икает и падает в обморок. Однако именно там, где у двери в лабораторию стоит ясеневый диван с высокой спинкой. Так что падать нисколько не больно. Но долго лежать там ей не приходится, потому что к ратманше спешит со своим неперменным мнъмнъмнъм красносиненосый мастер Иохан (ведь у каждого в конце повествования должно быть свое место и свое занятие) и приводит ее в чувство при помощи столь отвратительно пахнущих, но сразу же действующих капель, что один понятливый купец, который эти капли тоже слегка нюхнул, говорит мастеру Иохану с усмешкой:

- Знаете что, теперь, когда ваш *famulus* своими чудо-сладостями усыпил и тестя и полгорода, теперь вы можете своими отвратительными каплями приводить в чувство всех попадавших в обморок тещ. И я полагаю, что даже и скончавшихся. Это будет предприятие подоходнее, чем марципанное. Хе-хе-хе.

За это время господин Калле успел уже позвать на свадьбу в свой ратманский дом всех, кто находится в аптеке, само собой разумеется, во главе с епископом. Известие о епископской проделке, о счастье аптекарского парня и ратманской барышни уже успело облететь всю площадь. Появляется толпа любопытных соседей - злорадствующих гильдейских купцов и ликующих ремесленников. Мастер Иохан продает им славные бокалы кларета и закрывает ставни. Он ведь тоже приглашен на свадьбу, а как же иначе.

И вот из аптеки начинают выходить свадебные гости: впереди всех епископ Хенрикус, который даже посылал своего курьера бегом принести ему с Тоомпеа епископскую митру*. За ним идет молодая чета. Март опустил рукава и на шляпу нацепил гвоз-

дику. Матильда никак не может сдержать улыбки в уголках своего ротика-цветочка и крепко держит Марта под руку. За молодыми идут папа и мама Калле. Лицо ратмана говорит: что было, то было, может быть, все даже и неплохо будет, ибо мне кажется, что этот Март еще прославится своим сидриватсиумом, и мы вместе с ним... Лицо ратманши говорит: ратманша должна в любом положении сохранять достоинство, прошу пожалуйста! За обоими Калле идут остальные господа и госпожи, хозяйева и хозяйки. И самыми последними - мастер Иохан (все еще или уже опять: АА-ААА-АПЧХИ!) и три Мартовых подмастерья с носилками, на которых лежит пуда два марципана для свадьбы. А в хвосте у них, размахивая хвостом и облизываясь, идет черно-серо-пятнистый каллевский пёс, которого Мартовым подмастерьям все время приходится отгонять от носилок с марципаном - прочь! прочь!

Осеннее небо синее-синее (а это случается в Таллинне не так уж часто), синее-синее, как глаза невесты, когда она их поднимает, чтобы взглянуть на Марта. И сама Матильда видит тогда в синем небе, кроме зеленых глаз Марта, его лохматой головы и шляпы с гвоздикой, красные крыши, и желтые стены, и серые башни, и то, как из окон башен на синем фоне тянутся золотые тромбоны трубачей. И вся процессия и весь городской люд кругом на улицах услышали, как зазвучала свадебная музыка:

Туу-туту-туу-туту-туу-туту-туу,
туу-туту-туу-туту-туу-туту-туу.

Во время этой музыки черно-серо-пятнистый каллевский пёс в хвосте свадебного шествия наконец понял, что у него нет никакой надежды приблизиться к носилкам с марципаном. Понял и решается попытать счастья в другом месте. Он бежит и обню-

хивает своим трепещущим, черным, влажно-блестящим носом всех шагающих на торжество и чувствует, что у Марта за пазухой в кармане лежит предназначенный для Матильды особенно хорошо пахнущий ломоть марципана. Между нами говоря, сердце из марципана. Но пёс, конечно, не видит сквозь Мартов кафтан, что так хорошо пахнет именно сердце, и не понял бы этого, даже если бы и увидел, а просто счел бы его особенно вкусным. И когда епископ останавливает свадебное шествие (пусть, мол, гости поют под свадебные трубы, а он будет давать указания - Ааа-эээ-иии - выше! - ниже!), да, теперь, когда свадебная процессия стоит, и вместе с ней стоит и Март, черно-серо-пятнистый пёс сует свой трепещущий черно-влажно-блестящий, ужасно милый нос Марту в ладонь и смотрит на него так умоляюще и такими ужасно милыми глазами: *ведь черно-серо-пятнистый или просто пятнистый, или одномастный пёс, твой пёс, именно так сует свой ужасно милый нос тебе в ладонь, смотрит на тебя такими умоляющими и такими ужасно милыми глазами и говорит: "Мой дорогой и уважаемый молодой хозяин (или хозяйка), все мои уличные утренние собачьи дела давно сделаны, а ты стоишь тут на площади - одна нога впереди, другая немного отставлена назад - уже так удивительно долго, что я хотел бы попросить тебя пойти домой..."*

Ты сразу же, конечно, узнаешь своего пса, потому что он не только существует сейчас, но во многих других отношениях он должен быть во сто крат лучше славной каллевской псины пятьсот тридцать три года тому назад... И ты ласкаешь своего пса тут же на Ратушной площади, радуясь, что ты узнал его и что он снова с тобой. И тут же на улочке Сайакяйк ты покупаешь в кафе красивое, разукрашенное*

сердце из марципана (если оно как раз оказывается в продаже), чтобы вместе с псом съесть его по дороге домой.

И ты идешь вместе с псом домой, жуешь вместе с ним мартово-марципанное сердце, и, быть может, ты чуточку более задумчив, чем раньше, когда вел пса на прогулку.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

С.5.

Кадрiorг - район Таллинна между морем и плато Ласнамяги. Но когда говорят о Кадрiorге, имеют в виду прежде всего прекрасный парк с вековыми деревьями, прудами, фонтанами и живописными лужайками. В центре парка - художественный музей-дворец, возведенный еще Петром I в честь Екатерины (20-е годы XVIIIвека), Домик Петра I. В административном здании, построенном в 1938 году, - резиденция Президента Эстонской Республики.

Пруд Шнелли, вырытый в 1760-е годы, был частью рва, окружавшего Старый город. Назван по имени городского садовника Шнелля, разбившего на крепостном валу, над рвом, липово-каштановую аллею.

Олений парк - Хирвепарк (по-эстонски *hirv* - благородный олень, *косуля*) - в Старом городе, у подножия горки Линдамяги. По преданию, Линда, вдова Калева, национального мифологического героя, сложила на его могиле огромный холм из валунов. Это и есть Тоомпеа, или, как говорят по-русски, - Вышгород, т.е. Верхний город. С давних пор бытует легенда о том, что при завоевании эстов, в начале XIII века, датский король на охоте подстрелил дикую козу, она упала с высокого обрыва и разбилась... В нижнем парке, заложенном в 1865 году, олени еще водились.

С.6.

Ратуша - средневековое позднеготическое здание, упоминаемое уже в XIV веке. Двухэтажное, с башней, увенчанной шпилем и флюгером "Старый Тоомас", просторными залами, подвалами и погребями (много раз перестраивалось). Предназначалось для собраний городского самоуправления, магистрата. Таллиннская Ратуша - одна из старинных архитектурных достопримечательностей Европы. Сейчас здесь музей, проводятся концерты, официальные встречи и торжественные приемы.

Нигулисте - церковь св. Николая, основанная в XIII веке немецкими купцами. Во время 2-й мировой войны была разрушена. Переоборудована в музей. Сегодня музыканты дают в ней органные концерты. Сохранился главный алтарь, а также фрагмент авторской копии картины немецкого живописца XV века Бернта Нотке "Пляска смерти".

Важня - строение для товаров, где их взвешивали перед тем, как отправить на рынок. "Белый домик важни" на Ратушной площади (не восстановлен) Яан Кросс, конечно же, помнил еще с юности, и через несколько десятилетий построил его в свой

сказочный интерьер XV века, хотя двухэтажная "кубическая" важня появилась в середине XVI века. Но воображению подвластно всё, хроника событий тоже. Во многих исторических произведениях Яана Кросса реальность так же правдиво сочетается с условностью, как факты - с вымыслом...

С.9.

В "Толковом Словаре" Вл. Даля, **меморіаль** - купеческая общая книга, фиксирующая куплю-продажу. Здесь: аптекарская книга для записи снадобий, по-эстонки *mäluraamat* (*mälu* - память, *raamat* - книга).

Кварта (четверть) - единица объема жидкостей и сыпучих веществ, ее величина в разных странах разная: в Англии - 1,135 л, в США - 0,946 л. Как видим, в среднем - один литр.

Кларет - виноградное вино с имбирем и другими пряностями. В Европе *Claret* зарегистрирован как бордоское красное вино одной из провинций Франции.

Гильдии - сословные объединения купцов.

Унция - единица массы, применявшаяся в аптекарской практике, - в среднем от 28 до 31 грамма.

С.10.

Штоф - прежняя мера жидкости - 1,23 л, примерно 1/10 стандартного ведра.

Лот - мера веса, равная 12,797 г или 13 г.

С.11.

Теретиритрилль! - в этом дребезжании *Teretiritrill* слышится приветствие, знакомое и зарубежным друзьям тоже: *Тере!* - Здравствуй!

Ратман - член городского самоуправления, магистрата, муниципалитета. Можно предположить, что ратман Калле - один из главных, что-то вроде городского головы или градоначальника.

С.12.

Бревиар - здесь: книга для деловых записей.

С.14.

Снадобница - по Словарю Вл. Даля - аптека. В ней изготавливают снадобья.

С.18.

In concreto (лат.) - конкретно, реально, определенно.

С.23.

Митридат VI, царь Понта, правил в I веке до н.э.

Понтийское государство находилось на южном берегу Черного (Понтийского) моря. Аптекарь и болтает о "понтийских морских животных" да о "юрканийских" растениях, бытовавших в Юрском периоде миллионы и миллионы лет назад. Весь этот аптекарский вздор - чудесная выдумка писателя Яана Кросса, ведь никакой средневековый целитель наверняка и краем уха не слыхивал о мезозойской эре...

Авантажный (фр.) - видный, привлекательный, человек, который производит благоприятное впечатление своей внешностью. Здесь: упитанный, плотного сложения.

С.24

Ergo (лат.) - следовательно.

С.27.

Primo - во-первых.

Secundo - во-вторых.

Tertio - в-третьих.

Quarto - в-четвертых.

Quinto - в-пятых.

Sexto - в-шестых.

С.28.

Электуариум - лечебное средство, составленное из множества лекарств.

С.32.

Et cetera (лат.) - и прочее.

С. 45.

Имбирный мёд, видимо, с добавлением имбиря.

Лакричный сахар: лакрица - солодка, бобовое растение, корни которого используются в медицине; у цветущей солодки - сладкий запах.

Морсель - что-то вроде конфеты или печенья.

С.50.

Ладскнехт - наемный солдат.

С.52.

Кёнигсберг (с 1946 года - Калининград), основан как крепость в 1255 году.

Епископ - высшее духовное звание в христианской церкви.

С.53.

Каноник - священник католической церкви.

Lupus in fabula (лат.) - Волк в басне. В значении "Легко на помине".

Миро - благовонное маслянистое вещество, употребляемое у христиан (православных и католиков) в церковных обрядах при совершении таинства миропомазания.

Ладан - ароматическая смола, которая при сжигании на тлеющих углях в кадильнице дает ароматный дым, применяется во время богослужений в христианских храмах.

После завоевания Северной Эстонии датчане в городище эстов, на холме, построили церковь. Сначала деревянную, затем - каменную. В 1240 году церковь освятили как собор Девы Марии. **Кафедральный собор**, который упоминает епископ Хенрикус, в XV веке главный католический храм в Верхнем городе, на Тоомпеа, со 2-й половины XVI века - лютеранский.

Сегодня, если ты зайдешь в Домский собор, то на мемори-

альных плитах, памятниках, саркофагах - словно на страницах нашей общей истории - прочтешь славные имена своих давних "знакомцев". Это и герой Аустерлица, зять полководца Кутузова, граф Фердинанд фон Тизенгаузен (прообраз Андрея Болконского); и знаменитый мореплаватель Адам (Иван Федорович!) Крузенштерн, возглавивший первую русскую морскую кругосветную экспедицию; и его наставник, боевой командир-шотландец адмирал Грейг; и еще один флотоводец, ученый, исследователь побережья Сибири, правитель русских поселений в Америке Фердинанд Врангель... XVIII-XIX века.. Ты стоишь на пра в и л ь н ы х камнях?.. То-то...

С.54.

Casus extraordinarius - исключительный случай.

С.57.

Митра (за которой Хенрикус посылает в собор на Тоомпеа) - головной убор, надеваемый высшим духовенством во время богослужения.

С.59.

Сайакяйк - средневековая торговая улочка рядом со старинной аптекой. В переводе - "булочный проход", ведь эстонское слово sai - это булка (сайка!), и käik - проход, переулок. Здесь издавна размещались булочные лавки.

Яан Кросс (1920-2007) - всемирно известный эстонский классик. Несколько раз выдвигался на Нобелевскую премию. Поэт и прозаик. Многие произведения писателя переводились на русский язык (в основном Ольгой Самма: 1912-1985) и печатались в СССР огромными тиражами, как один из исторических романов "Императорский безумец" (1978, русский текст - 1985).

Яан Кросс окончил юридический факультет Тартуского университета в 1944 году, уже в оккупированной Эстонии. Немецкие власти арестовали его, подозревая в сотрудничестве с Национальным Комитетом, нелегальной организацией, целью которой была независимая самостоятельная Эстония. По тому же обвинению после войны его "взяли" и органы НКВД. Так что с 1946 по 1954 Яан Кросс побывал и в лагерях (угольные шахты в Коми АССР), и на спецпоселении в Красноярском крае. Впервые по-русски новеллы, связанные с депортацией и лагерной жизнью, напечатаны в журнале "Вышгород" и вошли в сборник "Открытие мира" (VE, Таллинн 2006). Теперь это далекое прошлое (конечно, для юного поколения). Но не такое уж далекое, как те старые-престарые эстонские времена, куда любил заглядывать мудрый Яан Кросс, чтобы приоткрыть тайны бытия своего маленького свободолюбивого народа.

АДРЕС

а/я 1016, "Вышгород", 10302, Таллинн

ТЕЛЕФОН 6 403 945

E-MAIL

Nil.Vysgorod@mail.ee

Напечатано в Таллиннской книжной типографии